

«Ι ΔΙ ΝΟΙ Ε ΝΙ ΑΒΟΙ ΟΕ», ΕΕΕ «×ΑΕΙ ΑΑΕ ΝΟΕΕΟУ»:
ΥΟΕ×ΑΝΕΕΑΕΙ ΕΕΕϐΕΕΙ ΔΙ ΟΑΝΝΕΙ Ι ΑΕΕϐΙ Α*

© Α. Ε. Εάδοεαδ

Εάδοεαδ

Αεδαεεε Εαι ι εαι αε-

αι εοι δ οεει πι οηεεο ι αοε

ι δι οαννη ε εαοααδυ

Οεει πι Οεε

αοι αι εοαδι υο Οαεεουαοι α

Ναι αδηεεε

αι ηααδηοααι ι υε οї εααδηεαο

Νοαουυ ηοααεο ι δι αεαι ο πι τ οτ ι οαї εу ι δι οαννηε ι α-
εεϐι α ε υοεεε ε ι δααεαααο ααα ι δι δεαι ι ι εї αι υα ηοδα-
οααεε δαννη ι οαї εу αι ι ι ε ι δι αεαι υ. Ι αδαу οδαεοαο
ι ι ι τ ϐεοεϐ ι δι οαννηε ι αε / αεεαοαι ο, εηοї ау εϐ ι αι δε-
ι εδδαι ι ε ι ι ι τ ϐεοεε ηї αδεαεεϐεοι αι ι υο δδααι αι εε
ι δι οανηεε ε οї εααδηαεуι ι ε υοεεε «ι δι ηοι αι ηι αβοι ι-
αι». Ι δε υοι ι α ι δαεοο αι ει αι εу ι ι ι ααϐο οα ηї οε-
αеи ι υα ι δαεοεεε, ααα ι δι οανηει ι αευ ααеуοηу ηαι εи ε
εεϐ-αаυι ε ι ι εї ι ι ι +еуι ε η αεεαοαι οαι ε. Αοι δαу ηοδα-
οααеу ι δααεαααο οαι αдеϐαοеϐ εи ι αι αι οτ ι ε υοεεε ι δι-
οανηεε, ι δι οανηει ι αεεϐι α εαε υοε-анеї ε εαοааї δεε.
Υοι ο ι ι αοι α ι ι αεα аυου а ηαι ϐ ι -αδαаυ ι αι ηι ι αаї , εη-
οї ау εϐ εї αεεε ι ι ι ααе-анеї ε ε εї οαδηοаυαεοεаї ι ε.

Εεϐ-αаυα ηεї аа: профессия, этика, эксперт, дилетант,
«простой смертный», социальные практики.

Начну с известного тезиса классика социологии знания Альфреда Шюца, который он сформулировал в рамках своего анализа структуры повседневного мышления: в обществе существует социальное распределение знания. Шюц пишет: «Я — “эксперт” в узкой области и “дилетант” во многих других, так же, как и ты. Любой индивидуальный запас наличных знаний в тот или иной момент жизни разграничен на зоны в различной степени ясности, отчетливости, точности. Эта структура порождается системой преобладающих релевантностей и, таким образом, биографически детерминирована. Знание этих индиви-

* Стаття подготовлена в рамках исследования, получившего грантовую поддержку (Президентский грант МД-333.2009.6).

Α. Ε. Εάδοεαδ

дуальных различий, само по себе, уже элемент обыденного опыта: я знаю, к кому и при каких типичных обстоятельствах я должен обратиться как к компетентному доктору или юристу»¹. Итак, есть повседневное знание, а есть экспертное знание, и мы в повседневной жизни хорошо знаем те релевантные ситуации, в которых нужно обратиться к соответствующему эксперту². Эта ситуация служит основанием и для *социального распределения власти*, поскольку, как мы помним из исследований Фуко, Бурдьё и других авторов, знание — это способ бытия власти, господства. Как правило, принцип существования подобных сфер знания-власти — посторонних не пущать, непосвященных не допускать, всякий раз указывая им свое место. То есть в пределах этих сегментов знания-власти происходит охрана границ, охрана выработанных определений, институциональных интерпретаций и т. п.

В более мягком виде тезис о распределении знания, который в конечном итоге означает, что экспертное знание занимает свою охраняемую территорию, отчуждено от повседневного и притязает на господство, обосновывается ссылкой на специализацию и *профессионализацию* жизни. Мы повсюду слышим заслуженные и не вызывающие ни тени сомнений гимны профессионализму, профессионалам, фигуре профи. Отсюда — всплеск тематизации *профессиональной этики* как бы в пику или просто по ту сторону этики универсальной³. В свою очередь профессионализация всего

¹ Шюц А. Структура повседневного мышления // Социологические исследования. 1988. ¹ 2. С. 132.

² А какова та типическая ситуация, которая должна нас привести к философу? Этот вопрос сегодня повисает в воздухе. По крайней мере к нему обычно равнодушны академические философы. Поэтому, наблюдая экспертизацию университетского философского знания, повседневное мышление не видит тех «типических обстоятельств», в которых к этому знанию, к его носителю — философу человек мог бы обратиться или в которых это знание мог бы применить, в отличие от ясности тех ситуаций, когда он обращается к врачу или юристу. Можно назвать эту ситуацию нерелевантностью университетского философского знания типическим ситуациям повседневности. Что делать в такой ситуации и делать ли вообще что-то академическому философу, принимая во внимание сказанное? Думаю, что да. Потому что следствием эзотеризации профессиональной университетской философии и ее индифферентности в отношении повседневной востребованности является, кроме прочего, эксплуатация «метафизической потребности человека» всякого рода догматическими учениями, снабженными сильным маркетингом и разветвленной институциональной сетью. Они, кстати говоря, могут влиять не только на отдельного человека, но и на социальные группы, групповые интересы и даже на государство. Подробнее об этом см. мою статью: *Лещицер В. Л. Философские послания до востребования* // Топос. 2009. ¹ 1(21). С. 129—138. Здесь же опубликованы дискуссионные отклики на данную статью проф. В. Фурса и маг. Г. Русецкой.

³ Кстати сказать, иногда профессиональную этику не отличают от корпоративной, а как раз в различии их кроется очень существенное проблемное ядро, поскольку *служение профессии* и *служение корпорации* — это не просто разные вещи, а часто прямо противоположные, нередко вступаящие в конфликт. Например, в медицине. Или, в частности, в философии и преподавании философии,

и вся рождает пренебрежение к дилетантам и существенность самой оппозиции: *профессионал/дилетант*, ее конституитивность для форм современной жизни. Ну, например, в медицине, в экономике, в сфере права и т. п. — в целом в сфере труда.

Если говорить о философии, то совершенно очевидно, что университетская философия в этом отношении находится под гнетом противоречия между *универсалистским* характером философского знания и его *специализацией*, признаваемой на обыденном уровне людьми, далекими от философии. Универсальная природа философского знания (обращенность к целостной личности; релевантность всем специальностям; наличие универсальной доктрины мира) конфронтирует с негласной конвенцией в отношении его *экспертизации*, то есть с молчаливым допущением большинства, что нам это знать не надо, что существуют философы как отдельное сообщество экспертов в своем знании, такое же, как сообщество медиков или юристов.

Оппозиция профессионал/дилетант по существу сделалась конститутивной и в эстетической сфере, причем с того момента, когда искусство стало *концептуальным*, эта оппозиция модифицировалась совершенно особым образом. Профессионализация искусства с определенного момента стала означать не столько формирование у художника специфических профессиональных навыков (например, навыков рисовальщика или рассказчика), как это было всегда, сколько имманентную теоретизацию искусства. То есть профессионализация искусства стала связываться со способностью художника к концептуальному фундированию своего творчества, введения его в общеэстетический и общепрофессиональный контекст эпохи. Это началось на рубеже XIX–XX веков и с необходимостью потребовало от реципиента подобной же профессионализации. То есть самим художественным актом стало предполагаться, что воспринимающий тоже должен быть профессионалом в том же самом смысле. Он уже не может быть дилетантом, чтобы адекватно воспринимать современное искусство. Так возникла универсальная для искусства XX века тенденция, полностью изменившая и судьбы эстетического восприятия, и формы социального бытования искусства. Вспомним тезисы из статьи Мандельштама «Выпад» (24 г.), где он говорит о том, что читательское поколение девяностых годов выпадает как несостоятельное и совершенно некомпетентное в поэзии, потому что, привыкнув в символистскому канону, оно растерялось в мире постсимволистского эстетического разнообразия. И он вводит понятие *поэтической грамотности*, которая не совпадает ни с грамотностью обычной, ни даже с литературной начитанностью. Вот он пишет иронически и едко: «Искажение поэтического произведения в восприятии читателя — совершенно необходимое социальное явление, бороться с ним трудно и бесполезно: легче провести в СССР электрификацию, чем научить всех

поскольку корпоративные нормы в этой области явно доминируют над профессиональными интересами и требованиями, что в свою очередь является серьезным препятствием росту профессионализма в философской работе. Так называемая вузовская философия в России подчинена логике корпораций, а не требованиям профессии.

грамотных читать Пушкина так, как он написан, а не так, как того требуют их душевные потребности и позволяют умственные способности. Шутка сказать — прочесть стихи! Выходите, охотники: кто умеет?»⁴

Дальше — больше. Тенденция к профессионализации как *эотеризации* своей деятельности свойственна такому виду современного искусства, как contemporary art. Здесь реципиент должен «быть в теме», а если он не «в теме», то собственно он и не реципиент, а человек с улицы. И хотя средний европейский городской житель уже воспитан в духе contemporary art, искусства по декларациям максимально демократичного, искусства, которое уже вошло в европейскую повседневность, все-таки профессионализация в сфере этого эстетического космоса нередко приобретает новые причудливые и крайне патологические формы, а именно враждебность к другим интерпретативным моделям и системам обоснования, которые априори полагаются нелегитимными. То есть нередко художники или кураторы, работающие в сфере contemporary art, исходят из легитимности исключительно самообоснования, схем самоинтерпретации. Установка на самообоснование фактически конститутивна для contemporary art⁵. Хочу подчеркнуть, что здесь эта презумпция самообоснования вызвана не столько этосом бытия самим собой, сколько логикой институциональной, профессионально связанной с реалиями арт-рынка.

На фоне этой тенденции к короткому профессиональному замыканию, которое, безусловно, связано со структурами господства и механизмами рынка, совершенно удивительно, что существуют прямо противоположные явления. Существуют сферы социальных практик, где точка зрения дилетанта, «человека с улицы», «простого смертного», рядового человека вдруг начинает быть значимой — либо наряду с точкой зрения профессионала, либо даже более важной, чем у профи. Приведу два примера: деятельность этических комитетов в сфере биомедицинских исследований и суды присяжных. В этические комитеты обязательно входит «человек с улицы», наряду с медиками, а суды присяжных сплошь состоят из представителей общественности.

Что касается этических комитетов... Общепринятой нормой стало этическое сопровождение всех исследований в области биомедицины, так что Б. Ю. Юдин вводит понятие этической индустрии⁶. Это сопровождение осуществляют специально созданные этические комитеты. Впервые они возникли в 50-х годах XX века в США, а в 1966 году становятся обязательными и финансируются из федерального бюджета. Затем по инициативе медиков этические комитеты начинают создаваться при больницах и исследовательских

⁴ Мандельштам О. Э. Слово и культура. М.: Советский писатель, 1987. С. 46.

⁵ См. мою полемику по этому поводу с известными самарскими кураторами: Лехциер В. Л. VI Ширяевская биеннале: чего больше проблем или открытий? // Город. 2009. ц 9. И ответ организаторов биеннале на мою статью: Коржов Р., Коржова Н. Иметь или не иметь // Город. 2009. ¹ 10.

⁶ Юдин Б. Этическое измерение медицинской науки URL: / <http://www.strana-oz.ru/?numid=8&article=416> (дата обращения: 26.10.2010)

учреждениях Великобритании. В этический комитет сегодня входят специалисты в той области, в которой проводятся исследования, и не имеющие общих интересов с той командой, которая эти исследования проводит, входят представители младшего медицинского персонала и входят те, кого раньше называли «представителями общественности». Юдин пишет: «... сегодня — на новом витке развития — оказывается, что для этического обоснования исследования, коль скоро оно проводится с участием человека, необходим такой вот посторонний, некомпетентный — “человек с улицы”. Коль скоро участие человека в исследовании сопряжено с риском, важно, чтобы его цель, а также обстоятельства его проведения могли быть понятны не только специалистам, но и тем “простым смертным”, в интересах которых и предпринимается само исследование. Риск, следовательно, должен быть оправданным не только в глазах исследователя-специалиста, но и в глазах рядового человека, который, вообще говоря, будет воспринимать и пользу, и опасности эксперимента существенно иначе, чем профессионал»⁷.

Теперь что касается института суда присяжных... Он, напомним, возник в средневековой Англии, а затем утвердился в континентальной Европе в эпоху буржуазных революций, в России этот институт действовал с 1864 по 1917 г. и заново введен в 1993 г. Причем он существует у нас в классическом виде, когда присяжные заседатели, а это по определению непрофессиональные судьи, участвующие в судебном процессе, заняты установлением истины *факта* (было преступление или нет, то есть виновен обвиняемый или нет), тогда как судья отвечает за истину *права* и устанавливает меру наказания.

У меня вопрос: как это так получилось? Каким образом профессионалы, имеющие право на производство партикулярных истин, вдруг поделились своими властными полномочиями (то есть и эпистемологическими, и онтологическими)? Причем это вопрос может быть поставлен не только исторически, но именно философски. То есть как это оказалось возможным с философской точки зрения? Почему вдруг возникли такие лакуны во властных отношениях, основанных на экспертном знании? Причем хочу особо подчеркнуть, что это «добровольные лакуны», то есть профессионалы сознательно доверили принимать часть специальных решений людям с улицы, учреждая тем самым своеобразный общественный договор между профи и не профи.

На поставленный вопрос возможны разоблачительные ответы: потому что адресатом, то есть потребителем экспертного знания, является «простой смертный», и если его мнение не будет учтено, то он просто не будет потреблять экспертное знание и его результаты. Отсюда — необходимость в той или иной форме привлечения потребителя к производству. Подобную технологию часто использует маркетинг⁸. Что касается деятельности этических комитетов, то тут все вполне понятно, потому что производители новой биомедицинской продукции заинтересованы в ее сбыте. И в

⁷ Юдин Б. Указ. соч.

⁸ См., например, фильм Джулиана Джерольда «Kinky boots», 2005 г. — про использование подобной технологии на английской обувной фабрике.

этом смысле этическая экспертиза сродни экологической — она и пропуск товара на рынок, и его привлекательная упаковка.

Что касается суда присяжных, то и здесь эта логика справедлива. Дело в том, что юридически нормы сами по себе ничего не решают, они действительны только тогда, когда ложатся на соответствующую моральную почву. Юридические нормы всегда провозглашаются от имени морального большинства, потому что в противном случае правосудие оказывается в моральной изоляции, а это гибель для любого легитимного режима. Понятие вины, вокруг которого строится правосудие, — не юридическое понятие, и любая правовая оценка сопряжена с моральным суждением (например, «злостное преступление», с «особым цинизмом», с «крайней жестокостью»). Поэтому нужен механизм согласования между юридическими нормами и моральными нормами⁹. Таким образом, мы сталкиваемся здесь с *хитростью институционального разума*, который в целях сохранности института, его легитимности, отказывается от части своих полномочий и отдает их человеку с улицы, обществу. К сожалению, обращение к человеку с улицы как к этической инстанции и в этой сфере, как и в случае с деятельностью этических комитетов, оказывается продиктовано не этическими, а институциональными мотивами. Этическое здесь поглощается реальностью социального. Профессионал идет на частичное соглашение с «простым смертным» для максимальной защищенности своего господства.

Эта логика, я думаю, вполне убедительна (подтверждение ей мы также можем найти в сетевом пространстве продаж, где производитель часто включает потребителя в производство продукта), однако она выработана в рамках т.н. *методологии подозрения*. А всякая универсализированная методология подозрения не проходит проверки фальсификацией, то есть она является в конечном итоге *мифологией* подозрения. Любая логика разоблачения должна иметь пределы своей применимости. Но где эти пределы? Поэтому возможен и более сложный ответ, который тоже устанавливает определенную логику необходимости, но только в рамках определенной теоретической позиции — экзистенциальной онтологии. Суть другого ответа будет такова: потому что эксперт в своем существе тоже есть «простой смертный», тоже есть человек с улицы. Во-первых, он является человеком с улицы по отношению к другому экспертному знанию. Во-вторых, что неизмеримо важнее, он «смертный», поскольку все мы смертны, все мы с улицы, а не только со специализированных заведений. Этот фундаментальный, если хотите, общечеловеческий уровень как бы взламывает изнутри границы экспертного знания и отношений господства. Мы можем видеть тут победу самой «человеческой природы».

Итак, я исхожу из оппозиции профессионального и этического, основанной на изначальной предпосылке, что для профессии всегда важнее ее собственные требования (требование профессионализма как генеральное

⁹ Эту мысль мне любезно подсказал замечательный специалист в области философии права Юрий Евгеньевич Пермяков, за что я ему чрезвычайно признателен.

требование), чем этические требования, существующие поверх профессиональных различий.

Но возможна и другая тематизация взаимоотношений профессии и этики. Я бы хотел, реализуя этос автополемоса, поспорить с собой и предложить альтернативный вариант тематизации взаимоотношений этих феноменов. Возможна попытка экспликации *имманентной этики профессии*, трактовки профессионализма как этической категории. Это значит изъять феномен профессионализма из логики получения тех дивидендов, которые этот профессионализм приносит. До тех пор, пока все обоснование профессионализма строится на констатации извлечения выгоды из него («профессия кормит», «настоящий профессионал всегда найдет себе работу», «победит в конкуренции», «востребован на рынке»), профессия мыслится в экономических терминах, то есть как *экономическая категория*. Имманентная этика профессии часто ищется сегодня в том или ином регионе профессиональной дифференции. Например, Клаус Дернер сделал это в книге «Хороший врач» применительно к медицинской профессии: вместо «этики принципов», то есть «этики сверху», нормативных врачебных кодексов всякого рода, он предложил тематизацию собственного этического смысла врачевания, выводя его из самого врачебного опыта¹⁰. Но как мы можем помыслить имманентную этику не той или иной профессии, а профессии как таковой? Можно ли назвать требование профессионализма (требование быть профессионалом) этическим в своем существе требованием? В общем, как помыслить фигуру профессионала как этического персонажа?

Вполне вероятно, что здесь также возможны две стратегии такого обоснования: *монадическая* и *интерсубъективная*. Первая выводит профессионализм из тех требований, которые предъявляет человек исключительно самому себе, вторая — из тех требований, которые человек предъявляет себе, прежде всего, в отношении к другому (например, к научному сообществу, все равно наличному или воображаемому). Монадически понятый профессионализм превращает его в *призвание*, а стало быть, включает в драматургию амбивалентного экзистирования (собственного/несобственного), ответов на зов бытия, на «событие бытия», на собственную фактичность, всегда заданную в свете своей конечности. Будучи онтологически феноменом *призванности*, онтически он реализуется как *самозванство* (доброволец, партизан).

Интерсубъективно трактуемый профессионализм (в горизонте его имманентной этичности) означает ту же самую фигуру самозванца-призывника, но с иной интенцией ответа и иной «фактичностью», этот ответ вызывающей. В роли фактичности или «события бытия» здесь будет уже не твоя «единственность», а своего рода «единственность сообщества», которая тоже не только дана, но и всегда задана. То есть требование профессионализма в этом случае есть имманентное требование человека в профессии, отвечающего за профессию как сообщество (наличное или во-

¹⁰ Дернер К. Хороший врач. Учебник основной позиции врача. М. : Алетея, 2006. С. 22.

ображаемое). То есть не «абстрактное» служение профессии здесь важно, про которое писал, например, Макс Вебер, само это служение фундировано в интерсубъективной ответственности, ответе-за-кого-то..

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Щюц, А. Структура повседневного мышления // Социологические исследования. — 1988. — ¹ 2.
2. Лехциер, В. Л. Философские послания до востребования // Топос. — 2009. — ¹ 1(21).
3. Мандельштам, О. Э. Слово и культура. — М. : Советский писатель, 1987.
4. Лехциер, В. Л. VI Ширяевская биеннале: чего больше проблем или открытий? // Город. — 2009. — ¹ 9.
5. Коржов Р., Коржова Н. Иметь или не иметь // Город. — 2009. — ¹ 10.
6. Юдин, Б. Этическое измерение медицинской науки /http://www.strana-oz.ru/?numid=8&article=416
7. Дернер, К. Хороший врач. Учебник основной позиции врача. — М. : Алетея, 2006.